

ОТ «МАЙСКОГО ДЕРЕВА» К «ДРЕВУ СВОБОДЫ»: ИЗ ИСТОРИИ СИМВОЛИКИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета (Курск, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-09-00166а «Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке».

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

WOS ID: F-1636-2019

Аннотация. Во второй половине XVIII в. в Америке появилась своеобразная традиция «деревьев свободы» и «столпов свободы». Это было прямым продолжением использования деревьев в европейской праздничной культуре, в частности, традиции «майских деревьев». Известно также особое значение дерева в европейской и, в частности, английской политической символике. Несмотря на противодействие со стороны пуритан, сходные обычаи были рецептированы в колониальной Америке. Начиная с 1760-х годов соответствующие ритуалы приобрели новый политический смысл. «Майские деревья» являлись прежде всего символом весеннего обновления природы, «деревья свободы» стали ассоциироваться с торжеством начинающейся Американской революции. «Деревья свободы» и «столпы свободы» были частью символического освоения пространства. Они служили центром разнообразных политических практик, включавших ритуализованный протест и борьбу с оппонентами-лоялистами. Дерево становилось метафорой революции. Они не раз служили объектом упорной борьбы между «патриотами» и британскими властями, неоднократно прибегавших к вырубке «деревьев свободы». Наиболее известным «древом свободы» был вековой вяз в Бостоне, но подобные же символы широко распространились в Америке, от Новой Англии до Южной Каролины. Аналогичную смысловую нагрузку несли «столпы свободы». Наиболее известный из них находился в Нью-Йорке. Начиная с 1790 г. аналогичная традиция возникла и во Франции в ходе начавшейся революции. В отличие от многих других политических ритуалов эпохи Просвещения, культ «деревьев свободы»

Ключевые слова: Американская революция, «майские деревья», «деревья свободы», лоялисты.

M. A. Filimonova

From May Tree to the Tree of Liberty: From the History of Symbolics of the American Revolution

Maria Filimonova, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

WOS ID: F-1636-2019

Abstract. In the second half of the 18th century in America there appeared a peculiar tradition of «trees of liberty» and «liberty poles». This was a direct continuation of the use of trees in European festive culture, in particular, the tradition of «May Trees». Special significance of the tree in European and, in particular, English political language is also known. Despite the opposition of the Puritans, similar customs were adopted in colonial America. Since the 1760s, the rituals has acquired a new political meaning. While «May Trees» were primarily a symbol of the spring renewal of nature, «trees of liberty» became associated with the triumph of the incipient American Revolution. «Trees of liberty» and «liberty poles» were part of the symbolic development of space. They served as the center of a variety of political practices, including ritualized protest and struggle with Loyalist opponents. The trees became a metaphor for revolution. The most famous «tree of liberty» was presented by an age-old elm tree in Boston, but similar symbols were widely spread in America, from New England to South Carolina. Comparable semantic load was carried by «liberty poles». The most famous of them was in New York. Since 1790, an identical tradition was developed in France. Unlike many other political rituals of the Enlightenment, the cult of «trees of liberty» was not of a rationalistic nature and was associated with archaic layers of mentality.

Keywords: the American Revolution, «May Trees», «trees of liberty», loyalists.

За годы до того, как Роберт Бёрнс написал строки, посвященные французскому «древу свободы», началась история аналогичных символов в Америке.

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя¹.

Обращение к образу дерева в символической политике Американской революции не являлось случайным. Дерево является одним из общеизвестных символов, распространенных во всех культурах мира. Его высокий вертикальный ствол может символизировать ось мира, а крона — ассоциироваться с верхним миром, где обитают божества или духи. Весеннее обновление листьев связывает дерево с идеей смерти и воскресения, а также плодородия. Эта символика очень древняя. Русский фольклорист Д. К. Зеленин связывал поклонение деревьям с первобытным тотемизмом². В англосаксонской культуре дерево символизировало жизнь, смерть и возрождение. Оно связывало между собой разные миры германской мифологии: нижний мир смерти, срединный мир людей и верхний мир богов.

Предполагается также, что в деревьях обитают различные сверхъестественные существа. В немецком фольклоре, например, это злобные духи-бильвизы, особенно опасные в Вальпургиеву ночь. В фольклоре Британских островов есть «дубовые люди» (Oakmen), населяющие старые дубы, а также зеленые дамы, наряду с дубами предпочитающие жить в вязах, тисах, ивах. Особенно важную роль в мифологии всех индоевропейских народов играл дуб. Обычно он ассоциировался с богами-громовержцами: греческим Зевсом, славянским Перуном, германским Тором (у англосаксов — Донаром). Дуб был культовым деревом, иногда — оракулом, а в фольклоре мог выступать в качестве мирового древа. В русской загадке дуб связывается с течением времени: «Стоит дуб, на дубу двенадцать сучьев, на каждом сучке по четыре гнезда». В политической мифологии Нового

¹ Бёрнс Р. Стихотворения. М., 1982, с. 323 (перевод С. Я. Маршака).

² Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.—Л., 1937. См. также: Азаткина Т. А. Дерево // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2011, с. 133—136.

времени, как будет видно из дальнейшего, использование дуба могло быть самым разнообразным, от «королевских дубов» в Англии до «деревьев свободы» во Франции.

Дерево было неотъемлемой частью как английской, так и колониальной американской праздничной культуры. Впрочем, привычная всем рождественская ель в Америке XVIII в. еще не была известна. Этот обычай германского происхождения. При дворе Георга III, правда, елку наряжали, но англичане не спешили следовать примеру своего монарха, и в британскую повседневность соответствующая традиция проникла лишь в XIX столетии³. Зато дома украшали омелой и остролистом, лавром, восковником, розмарином или другими вечнозелеными растениями. Иногда зеленые ветви собирали в пучок и подвешивали к потолку в виде «поцелуйного куста»: под ним парочки могли целоваться, не нарушая приличий. Под ним же пели рождественские гимны. Такие «кусты» сооружали парни в рождественский сочельник. Фольклористы описывают «поцелуйный куст» как два деревянных обруча, перевитых лентами. На обручах крепились вечнозеленые растения вроде плюща и остролиста, яркие ленты и бумажные розы, а также «корона» из яблок, апельсинов, орехов и веточка омелы. Три маленьких куклы, изображавшие Иисуса, Марию и Иосифа, также составляли часть декорации. Или же это могла быть елочка, но прикрепленная к потолку вершинкой вниз. Ее веточки украшали все тем же остролистом, цветной бумагой, сладостями. На вершинке деревца помещали коробочку с нарядно одетой куклой. К коробочке подвешивали неизменную веточку омелы. Кое-где в Дербишире и Корнуолле такие конструкции можно было видеть еще в начале прошлого века⁴. В очаге с Рождества до Двенадцатой ночи горело рождественское полено.

Примерно так же выглядело Рождество в североамериканских колониях. Поначалу его отмечали лишь на Юге и в среднеатлантическом регионе, потому что новоанглийские пуритане пытались запретить празднование. Но к XVIII в. нравы смягчились, и «поцелуйные кусты» в Новой Англии одержали победу над чрезмерной строгостью морали.

Не меньшую роль играло дерево в праздновании «майского дня» (1 мая). Здесь образ дерева как такового легко замещался образом столба — «майского столба» или «майского дерева» (May Pole, May Tree, — как происходило и в символике Американской революции).

В Англии майские обряды с деревьями и их ветвями проходили так. Накануне торжества молодежь под пение песен отправлялась в ближайший лесок «собрать май». Возвращались парни и девушки с охапками зелени и весенних цветов. Обычай восходил как минимум к средневековью. Так, герои «Рассказа Рыцаря» у Чосера направляются в лес майским утром, и молодой рыцарь плетет для любимой гирлянду из ивы и жимолости и поет:

«О светлый Май с цветами и листвою!
Привет тебе, прекрасный, свежий Май!
Мне свежих листьев для гирлянды дай!»⁵.

Дома, заборы и ворота украшали ветвями боярышника и березы; из них плетали гирлянды в форме крестов, букетов, двойных обручей. И конечно же,

³ Коутс Е., Харса Н. Суеверия викторианской Англии. М., 2011, с. 391. В США рождественская ель известна с 1842 г. — URL: <http://www.revolutionarywararchives.org/christmasthen.html> (дата обращения 22.09.2018).

⁴ Wright J. The English dialect dictionary, vol. 3. Oxford, 1905, p. 456 («Kissing»).

⁵ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 2012, с. 44 (перевод О. Румера).

необходимо было «майское дерево». Оно также известно на Британских островах с XIV–XV вв.⁶ Такие деревья торжественно срубали в ближайшем лесу и под грохот барабанов и ружейные выстрелы несли в селение. Их ставили возле каждого дома, а самое большое и красивое помещали в центре селения. Иногда это действительно было деревце. Так, в Корнуолле накануне 1 мая устанавливали в деревне срубленный вяз, в Уэльсе – березку. Однако в большинстве районов Британии к XVII–XVIII вв. «майское дерево» уже было деревом лишь весьма условно. Использовался столб – высокий и толстый ствол дерева с обрубленными ветками, украшенный яркими лентами. Его высота была весьма значительной; у одной из лондонских церквей стоял «майский столб», превосходивший высотой церковный шпиль! Такие столбы были постоянными конструкциями, обновлявшимися лишь в том случае, если приходили в негодность. Вокруг «майских столбов» и «майских деревьев» устраивали танцы, выбирали «королеву мая». «Майские столбы» дожили до новейшего времени⁷.

Похожая традиция известна и в России, где на «семик» (седьмой четверг после Пасхи) в деревню торжественно приносили из леса березку. Ее «завивали» (связывали ветки в виде венка), украшали лентами, цветными лоскутками, цветами, пряниками-«козулями». Под деревом водили хороводы и пели особые «семицкие» песни. Иногда подобные обрядовые действия выполняли на Масленицу⁸.

В Англии XVII в. для «майских деревьев» наступили тяжелые времена. Пуритане осуждали этот обычай как идолопоклонство, и в 1644 г. празднование 1 мая было официально осуждено Долгим парламентом как «языческую суесть, которой, как правило, злоупотребляют до степени суеверия и нечестия». Все существующие «майские деревья» должны были быть уничтожены. Возведение новых символов такого рода каралось штрафом в 5 шиллингов за каждую неделю, пока «дерево» не будет срублено⁹. В этой обстановке «майское дерево», видимо, впервые получило политический смысл, превратившись в символ противостояния парламенту и Республике¹⁰. После завершения Английской революции традиция возродилась вновь в полном объеме.

Вместе с другими английскими традициями празднование «майского дня» с «майским столбом» проникло и в колонии. О том, как мог выглядеть «майский столб» в Новом Свете, дает представление описание из селения Мерримант (Массачусетс), относящееся к XVII в.; там это была «красивая сосна 80 футов высотой, увенчанная парой оленьих рогов, прибитых у ее вершины»¹¹. Солидная высота позволяла в данном случае использовать «майский столб» как нечто вроде маяка. Как и в метрополии, «майский столб» становился центром торжества; под ним пели песни, вокруг него танцевали, возле него короновали «королеву мая». В уже упоминавшемся массачусетском праздновании «майского дня» фигурировали также стихи, любовного или сатирического содержания; их прикрепляли все к тому же «майскому столбу». Зелень майского дерева, песни и эротическая символика должны были символизировать собой утопию вечной весны, вечного

⁶ Hutton R. *Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain*. Oxford, 1996, p. 233–235; Hooke D. *Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape*. Woodbridge, 2010, p. 102.

⁷ Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. XIX – начало XX в. М., 1977, с. 102–106.

⁸ Пронн В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995, с. 67–73.

⁹ An Ordinance for the better observation of the Lords-Day // *Acts and Ordinances of the Interregnum, 1642–1660*. London, 1911, p. 420–422.

¹⁰ Hutton R. *Op. cit.*, p. 235–236.

¹¹ *American History Told by Contemporaries: Era of Colonization 1492–1689*. Ed. by A. B. Hart. Honolulu (HI), 2002, p. 362.

возрождения и обновления как природы, так и человеческого мира. Все это было частью карнавальной смеховой культуры, принесенной в Новый Свет из Европы. В Северной Америке традицию подкрепляли и местные культурные практики. Как отмечают исследователи, у индейцев Восточного побережья имелись собственные аналоги «майского столба» — в центре их деревень ставились церемониальные столбы, и использованные в массачусетском «майском празднике» олени рога могли восходить к культу Маниту у алгонкинов¹².

Суровые новоанглийские пуритане, как и их английские единовѣрцы, были шокированы очевидным языческим смыслом этой традиции. Губернатор Нового Плимута У. Брэдфорд не скрывал своего возмущения: «Поставили они также майский шест и много дней вокруг него пили и плясали, и приводили индейских женщин себе в подружки, и вместе плясали и резвились (точно феи, а вернее сказать, фурии), а кое-что делали и похуже; словно возродили празднества во славу богини римской Флоры или бесстыдные и безумные вакханалии». Губернатор Колонии Массачусетского залива Дж. Эндикотт лично явился на «место преступления» и велел срубить предосудительный символ. Селение, где состоялось «языческое» празднество, было переименовано из Мерри-Маунт («Веселая гора») в Маунт-Дагон («Гора Дагона»)¹³, с намеком на осуждаемый в Ветхом Завете культ филистимского бога Дагона. Впоследствии вся эта история послужила Натаниэлю Готорну сюжетом для рассказа. В изображении писателя «майское дерево» превратилось в символ карнавальной свободы и радости, противостоящей пуританскому отрицанию любви и жизни. «Весело жилось в Мерри-Маунте, — писал Готорн, — когда на майском дереве развевался флаг этой беззаботной колонии! Если бы победа осталась за теми, кто водрузил в поселке символическое дерево, суровые холмы Новой Англии на долгие годы озаарились бы солнечным светом, а земля ее покрылась бы неувядающим цветочным ковром. Здесь боролись за власть веселье и мрак»¹⁴.

Деревья были частью не только праздничных ритуалов, но и политической символики с самых ранних времен.

Само государство могло уподобляться дереву, как, например, в трактате английского политического деятеля XVI в. Э. Дадли «Древо Республики». Корнями его служили пять добродетелей (любовь к Богу, справедливость, верность, согласие, мир), а благие плоды могли вкушать все сословия государства¹⁵. В России известна икона «Богоматерь Владимирская — Древо Государства Московского», созданная в XVII в. Симоном Ушаковым. Она изображает Россию как дерево, уходящее корнями в Успенский собор московского Кремля. Иван Калита на иконе сажает дерево государства, а митрополит Петр поливает его корни. Создатель английского консерватизма Э. Бёрк нередко прибегал к метафоре дерева, которое для него символизировало то полномочия парламента («дерево законодательных властных полномочий»), то саму британскую конституцию. Американскую революцию он изображал так: «ее (Великобритании. — М. Ф.) самая цветущая ветвь — Америка — была оторвана от родительского ствола и привита к властному дереву Франции»¹⁶.

¹² Cohen M. The Networked Wilderness: Communicating in Early New England. Minneapolis — London, 2010, p. 43–47.

¹³ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте // Брэдфорд У. История поселения в Плимуте; Франклин Б. Автобиография; Кревекер С. Дж. де. Письма американского фермера. М., 1987, с. 189–190.

¹⁴ Готорн Н. Майское дерево Мерри-Маунта // Готорн Н. Избранные произведения, т. 2. Л., 1982, с. 108.

¹⁵ См.: Dudley E. The Tree of Common Wealth. Manchester, 1859. Термин «республика» (common wealth) здесь использован как обозначение государства вообще.

¹⁶ Бёрк Э. Правление, политика и общество. М., 2001, с. 206, 276.

Кроме символических деревьев на иконах или страницах политических трактатов, в качестве олицетворения власти могли выступать вполне реальные деревья или столбы/кресты как их символические замещения. При раскопках королевского дворца англосаксонской Нортумбрии была найдена обширная столбовая яма. Ствол дерева, стоявший здесь в VII в., вероятно, символизировал королевскую власть¹⁷. Ж. де Жуанвиль описывал Людовика Святого, который выслушивал подданных и вершил суд, сидя под дубом¹⁸. Подобная же практика была известна и в средневековой Англии¹⁹. Возможным плодом контаминации хрестоматийного эпизода с Людовиком Святым и сведений о событиях Американской революции стала фантазия французского современника. Рассказывая о виргинском конvente 1776 г., француз утверждал, что делегаты заседали «в мирном лесу, вдаль от взоров людей, в уединенном месте, которое природа снабдила скамьями из дерна»²⁰.

После Английской революции вокруг дубов возникла новая легенда и новая традиция, также связанная с символикой монархии. Существовала популярная история о том, как будущий Карл II прятался в ветвях дуба от солдат Кромвеля после поражения при Вустере. Лишь ночью принц смог спуститься с дерева и впоследствии благополучно добрался до Франции. А «королевский дуб» роялисты срубили и расщепили на реликвии²¹. До середины XIX в. в Англии ежегодно праздновался официальный «День королевского дуба». Люди украшали себя веточками дуба или дубовыми орешками. Не соблюдавших традицию хлестали крапивой или щипали.

Мальчишки бегали по улицам и распевали:

Бедный добрый король Карл прячется в листе.
Не покажешь нам свой дуб — зададим тебе!²²

Начало революционного процесса в колониях повлекло за собой переформатирование политической символики. Американские революционеры — виги, или патриоты, как они сами себя называли, — создавали собственную политическую культуру, собственную партийную, а затем и национальную идентичность. В том числе изменилась и символика деревьев. В то же время этот аспект Американской революции остается недостаточно изученным. Существует лишь монография А. Ф. Янга «Древо свободы», но она посвящена не столько самому дереву, сколько роли простых людей в революционном процессе²³.

Пожалуй, чаще всего в текстах Американской революции встречаются метафоры, связанные с архетипом «древа доброго», «древа жизни», дарящего мир, покой, вечное обновление природы. Так, некий «Фермер», писавший для «Maryland Gazette», противопоставлял нетерпимость большинства европейских стран и швейцарскую религиозную толерантность. Для иллюстрации своей мысли

¹⁷ Hooke D. Op. cit., p. 8–9.

¹⁸ Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2012, с. 21–22.

¹⁹ Mulcahy L. Legal Architecture: Justice, Due Process and the Place of Law. New Haven — London, 2010, p. 17. В 1833 г. точно такой же судебный процесс под деревьями устроили первопоселенцы Алабамы. — URL: <http://www.alabamapioneers.com/first-randolph-courts-were-held-on-flat-rocks-under-trees/> (дата обращения 12.11.2018).

²⁰ Hilliard d'Auberteuil M. R. Essais historiques et politiques sur les Anglo-Américains, vol. 2. Bruxelles, 1781, p. 119–120.

²¹ Ивонина Л. И. Драма династии Стюартов. М., 2016, с. 177.

²² Коутти Е., Харса Н. Указ. соч., с. 447.

²³ Young A. F. Liberty Tree: Ordinary People and the American Revolution. New York, 2006.

он обращался именно к образу дерева: швейцарцы «изгнали демона раздоров, и протестант с папистом сидели под мирной сенью одного дерева, пока во всех соседних государствах сын влек отца, а брат брата на эшафот»²⁴.

В письме коннектикутца Оливера Элсуорта деревом, «приносящим плод всем народам», предстает сама Америка²⁵. Тот же метафорический ряд порой продолжали реальные деревья. Довольно рано возникла красивая традиция развешивать фонарики на вишневых деревьях в День независимости²⁶. Символическая связь плодоносящего дерева, животворной силы света и революционного праздника здесь очевидна. Впрочем, к той же практике могли прибегать и сторонники английской короны — лоялисты. Баронесса Ридзель, приехавшая в Америку вместе с мужем, офицером британской армии, вспоминала о праздновании дня рождения короля у местных лоялистов. Баронесса приказала иллюминировать свой двор и сад в честь торжественного случая²⁷.

Иную грань того же образа представляли библейские «смоковница и виноградник», ассоциировавшиеся с миром и благоденствием. Соответствующее место в синодальном переводе выглядит так: «И жили Иуда и Израиль спокойно каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона»²⁸. В 1777 г. это выражение обыгрывалось в воззвании Контиентального конгресса. Конгресс обещал, что итогом борьбы за независимость станет для американцев возможность воссесть безбоязненно «под виноградником своим и смоковницею своею»²⁹. Десятилетие спустя П. Генри убеждал виргинский ратификационный конвент, что мечта простых американцев — возможность мирно наслаждаться плодами своего труда все под той же символической смоковницей³⁰. Северокаролинский революционный лидер К. Харнетт прибегал к реализации метафоры: «Я воссяду под виноградником своим и смоковницею своею (они у меня есть) в Поплар-Гроув, где никто не устрасит меня, кроме шлюпок с британских крейсеров»³¹.

Метафора древа широко использовалась в переписке с индейскими вождями. Как правило, это все то же «дерево доброе», символ безопасности, долговечности и дружеских чувств. Так, обращаясь к вождям и сахемам ирокезского союза племен, Конгресс призывал их не принимать сторону англичан, но спокойно курить трубки «на берегах своих рек», «под сенью своих деревьев». В том же послании содержался призыв не срубить «то могучее дерево дружбы, которое наши общие предки посадили глубоко в недра земли Онондага»³².

И, разумеется, дерево служило метафорой революции. Лидер бостонских патриотов Сэмюэль Адамс призывал соратников сплотиться в борьбе и не допустить, чтобы «железная длань угнетения срывала избранные плоды с прекрасного дерева

²⁴ Maryland Gazette, 25.III.1788.

²⁵ Letters of Delegates to Congress, 1774–1789. Ed. by P. H. Smith, vol. 20. Washington (DC), 1993, p. 181.

²⁶ Ibid., p. 395.

²⁷ Американская революция в женских дневниках. Сост. С. А. Короткова. М., 2014, с. 318.

²⁸ 1 Kings 4:25; в синодальном переводе этому соответствует 3-я книга Царств 4,25.

²⁹ Journals of the Continental Congress, 1774–1789. Ed. by W. Ch. Ford, vol. 8. Washington, 1907, p. 401.

³⁰ The Debates in the Several State Conventions on the Adoption of the Federal Constitution, vol. 3. Washington (DC), 1836, p. 54.

³¹ Letters of Delegates to Congress, vol. 7. Washington, 1981, p. 490. Поплар-Гроув — название плантации К. Харнетта.

³² Journals of the Continental Congress, vol. 9. Washington, 1907, p. 994–995. Онондага — поселение, служившее своеобразной столицей ирокезского союза племен. Здесь собирался великий совет ирокезов.

свободы, посаженного нашими предками и обильно политого их кровью»³³. Появлялись «деревья свободы» на страницах памфлетов и литературных произведений, а также вполне реальные деревья, которым почему-либо приписывалось символическое значение.

Зеленые ветви для участников восстания Дэниэля Шейса служили как символом борьбы за свободу, так и просто опознавательным знаком. Шейситы узнавали друг друга по зеленым веточкам на шляпах³⁴.

В шуточной песне «Битва бочонков», сочиненной Ф. Хопкинсоном, против англичан восстает сама природа Америки: «Мятежные горы, мятежные доли, мятежными поросшие деревьями»³⁵. У этой поэтической картины были вполне реальные основания. Еще до того, как прозвучали первые выстрелы в Конкорде и Лексингтоне, колонисты уже пытались оспорить власть метрополии — пока хотя бы символически. Для этого использовались различные символы сопротивления, в том числе так называемые «деревья свободы» (Liberty Trees, Trees of Liberty).

Наиболее известным был огромный вяз в Бостоне, на Ганновер-стрит, неподалеку от места собраний «Верной девятки»³⁶. В 1765 г. колонисты объявили его «древом свободы».

Этот год был началом активного противостояния колоний и метрополии. 22 марта 1765 г. английский парламент принял печально известный Акт о гербовом сборе. Предполагалось, что он даст казне метрополии до 60 тыс. ф.ст. в год. Налогом облагались все печатные издания, официальные документы, брачные контракты, торговые соглашения и прочие документы, писавшиеся на гербовой бумаге. Во многих случаях гербовый сбор в несколько раз увеличивал стоимость сделки или покупки. За нарушение закона предусматривались суровые наказания. Гербовый сбор вызвал массовый протест в колониях. 1 ноября 1765 г., день вступления Акта о гербовом сборе в силу, было объявлено днем траура. Повсюду создавались организации «сынов свободы». «Сыны свободы» следили за соблюдением бойкота английских товаров. Они координировали антибританские выступления в разных колониях при помощи созданных ими комитетов связи. Они вываливали сборщиков ненавистного налога в смоле и перьях и с позором изгоняли из города. Они конфисковали гербовую бумагу и гербовые печати.

Одним из символов организации «Сынов Свободы» и шире — символом антибританской борьбы — стал и бостонский вяз. Это дерево было посажено в 1646 г., через 16 лет после основания колонии Массачусетского залива, в период Английской революции, что также имело особое значение для американских революционеров. Вяз стоял на единственной дороге, ведущей в Бостон, так что любой путешественник проезжал мимо него. В августе 1765 г. на этом дереве повесили чучело ненавистного сборщика гербового налога Эндрю Оливера. В руки чучела вложили табличку с рифмованной надписью: «Видела ли Новая Англия большую радость, чем гербовщик, повешенный на дереве!»³⁷ Рядом болтался башмак с зеленой подошвой (намек

³³ Adams S. Writings, vol. 2. New York, 1968, p. 372–373.

³⁴ Pegasus of Apollo // Worcester Magazine, 1787, p. 607; Diary of Justus Forward. 1786–1787. — URL: http://www.shaysrebellion.stcc.edu/shaysapp/artifact.do?shortName-diary_jforward (дата обращения 19.12.2017).

³⁵ URL: http://www.americanrevolution.org/war_songs/warsongs55.php (дата обращения 08.12.2017).

³⁶ «Верная девятка» (Loyal Nine) — тайная революционная организация, возникшая в Бостоне в 1765 г.

³⁷ «What Greater Joy did ever New England see / Than a Stampman hanging on a Tree!» (цит. по: Archer R. As If an Enemy's Country: The British Occupation of Boston and the Origins of Revolution. Oxford — New York, 2010, p. 24).

на инициатора гербового сбора Дж. Гренвилла), из которого вылезал дьявол с вилами наперевес и текстом одиозного закона в лапе. В базарный день крестьяне, ехавшие в Бостон со своими товарами, должны были получать от чучела пародийный гербовый штамп. Позже чучело протащили по улицам города и сожгли вместе с новым домом Оливера³⁸.

Бойкот английских товаров, петиции американцев и английских купцов, размах колониальных протестов заставили парламент на время отступить. 18 марта 1766 г. правительство метрополии было вынуждено аннулировать Акт о гербовом сборе. Бостонцы собрались отпраздновать событие у «древа свободы». Ветви украсили флажками и фонариками. Похожие празднования, с артиллерийскими салютами и пением патриотических песен, еще несколько лет устраивались в каждую годовщину протестов против гербового сбора. Под ним же бостонцы демонстрировали свое неприятие католицизма 5 ноября, в День Гая Фокса.

Так старый вяз превратился в символ сопротивления. На нем поместили медную табличку с лаконичной надписью золотыми буквами: «Древо свободы». Вигами был назначен специальный комитет для ухода за растением. Изображения вяза распространялись по всей Новой Англии и даже за ее пределами. Активность, связанная с «древом свободы», не была исключительной привилегией лидеров патриотического лагеря. Но она также не была исключительно формой низового протеста. «Древо» служило объединяющим символом для всех представителей революционного движения. Лоялисты вспоминали старую пуританскую риторику. «Это дерево стало идолом, предназначенным для поклонения толпы», — писал брат Эндрю Оливера Питер³⁹.

Со временем «дерева свободы» появились и в других местах, от Род-Айленда до Южной Каролины. Это не обязательно были вязы, могли фигурировать деревья любых пород. В Аннаполисе, например, «древом свободы» стало тюльпанное дерево (оно достигало 124 футов высоты и было самым высоким из себе подобных), в Нью-Джерси — белый дуб. В Чарльстоне на эту роль выбрали «благороднейший дуб», формально посвященный Свободе группой городских ремесленников⁴⁰. На флаге революционного Массачусетса была изображена веймутова сосна. Со временем собственным символическим деревом обзавелся каждый штат США. Для «древа свободы» могли выбрать уже существовавшее высокое и раскидистое дерево, но могли и посадить саженец специально для этой цели. Дж. Адамс описывал в своем дневнике такой юный росток, посаженный на перекрестке трех дорог в сельском Массачусетсе: «Возвращаясь с собрания нынче утром, я впервые увидел красивый молодой платан, недавно посаженный на треугольнике, образованном тремя дорогами, возле дома м-ра Джеймса Брэкета. Деревце удачно расположено, хорошо охраняется и имеет на себе надпись: “Древо свободы, и да будет проклят тот, кто срубит это древо!”»⁴¹. Как будет видно из дальнейшего, охрана в таких случаях лишней отнюдь не была.

В 1768 г. собственным символом такого рода обзавелись жители Провиденса (Род-Айленд). Это был вяз, как и в Бостоне, выделявшийся своими размерами и раскидистой кроной. Местный юрист С. Доунер произнес в честь события прочувствованную речь, причем, судя по названию речи, обращался к слушателям

³⁸ Boston Evening Post, 2.IX.1765; Boston Gazette, 19.VIII.1765. По другому толкованию, башмак (boot) символизировал министра графа Бьюта (Bute) // Миддлкауф Р. Славное дело: американская революция, 1763–1789. Екатеринбург, 2015, с. 113.

³⁹ Oliver P. Peter Oliver's Origin & Progress of the American Rebellion: A Tory View. Stanford, 1967, p. 54.

⁴⁰ The South Carolina Gazette, 3.X.1768.

⁴¹ Adams J. The Works, vol. 2. Boston, 1850, p. 194.

прямо из кроны самого дерева. Оратор разворачивал впечатляющую картину идеализированной истории «отцов-пилигримов», прибывших в Америку в поисках свободы, и призывал сопротивляться тирании парламента. Он завершал речь призывом, обращенным к тем, кто будет впоследствии собираться под «древом свободы»: «Да будут все советы под сенью его почтенных ветвей руководимы мудростью и направлены к сбережению той свободы, которую наши прославленные предки искали и нашли под деревьями в глуши»⁴².

«Деревья свободы» действительно использовались как место встречи «Сынов Свободы», где они могли обмениваться информацией, обсудить меры антианглийского сопротивления и принять необходимые решения. Один из персонажей куперовского романа «Осада Бостона» так расхваливал знаменитый вяз: «А где еще вы видели дерево, которое могло бы писать и оповещать о днях городских собраний или могло бы рассказать людям, какую штуку собирается выкинуть король с чаем и с гербовыми марками?»⁴³. Это не вымысел писателя. О решениях, принятых под вязом, упоминал С. Адамс⁴⁴. Пространство под ветвями вяза получило у бостонцев полушутливое название «Зала свободы». Возле «древа свободы» весьма удачно располагалась винокурня; там в маленькой комнатке собирались бостонские «сыны свободы». Дж. Адамс записывал в дневнике 15 января 1766 г.: «Провел вечер с “сынами свободы” в их апартаментах на Ганновер-сквер, возле древа свободы. Это бухгалтерия в винокурне Чейза и Спикмена; очень маленькая комната»⁴⁵.

К 1770 г. страсти поутихли. «Древо свободы» использовалось как удобный ориентир для свиданий, к коре прикалывали рекламные объявления. И все же героическая история знаменитого вяза не закончилась. В том же 1770 г. похоронная процессия жертв «Бостонской резни» демонстративно прошла вокруг него. Там же патриоты могли искать спасения от преследований со стороны английских солдат. Под вязом они могли надеяться встретить единомышленников и найти помощь. Подобный случай описан в дневнике хирурга Дж. Тэтчера. Фермер, заподозренный в скупке оружия, был схвачен англичанами, обвешан в смоле и перьях и высечен. К счастью для него, солдаты провели его мимо «древа свободы», а там толпа патриотов отбила у англичан их жертву⁴⁶.

В 1775 г., когда конфликт между колониями и метрополией уже перерос в полномасштабную Войну за независимость, Т. Пейн посвятил бостонскому вязу поэму, в которой сама богиня свободы приносит саженец с небес. И пусть король и парламент пытаются срубить «древо свободы», но и с Востока, и с Запада патриоты собираются на его защиту⁴⁷.

Увы, реальность не совпадала с поэтическими фантазиями. В том же году вяз был демонстративно срублен англичанами, оккупировавшими Бостон, и пушен на дрова. Местный журналист горевал: «После долгих стонов и ругательств, с пеной у рта, с дьявольской злобой они срубили дерево, потому что оно носило имя «Свободы»»⁴⁸. Со временем сложилась легенда, что падающий ствол убил британского солдата⁴⁹. Несмотря на гибель символа, место, где он находился,

⁴² Downer S. Discourse, delivered in Providence, in the colony of Rhode Island, on the 25th day of July, 1768. At the dedication of the tree of liberty, from the summer house in the tree [Reprinted from the 1768 Providence edition]. Tarrytown — New York, 1918, p. 324.

⁴³ Купер Дж. Ф. Избранные сочинения в шести томах, т. 4. М., 1963, с. 73.

⁴⁴ Adams S. Op. cit., vol. 3, p. 92–93.

⁴⁵ Adams J. Op. cit., vol. 2, p. 187.

⁴⁶ Thacher J. A Military Journal During the American Revolutionary War: From 1775 to 1783. Boston, 1827, p. 16.

⁴⁷ Pennsylvania Evening Post, 16.IX.1775.

⁴⁸ The New-England Chronicle or the Essex Gazette, 24–31.VIII.1775.

⁴⁹ Adams N. Boston Common. Boston, 1842, p. 14.

не забылось. «На прошлой неделе я совершила поездку верхом и рискнула добраться до самого пня дерева свободы», — рассказывала мужу Абилайль Адамс⁵⁰. Когда Ж. де Лафайет в 1824 г. приехал в США, он специально приехал туда, чтобы увидеть этот пенёк. «Мир не должен забыть место, где некогда стояло дерево свободы, столь прославленное в ваших анналах», — заявил герой трех революций⁵¹. В XX в. городские власти собирались разбить на памятном месте парк с табличками, рассказывающими историю «дерева свободы». Для представления исторического растения предполагалось раздобыть большой вяз и посадить его в центре намеченного парка. Но в силу ряда причин этот план реализовать не удалось. Ныне место, где когда-то рос знаменитый вяз (на углу современных Вашингтон- и Эссекс-стрит), просто отмечено памятной табличкой. В Старом Капитолии Бостона сохраняется один из фонариков и один из фонариков, некогда свисавших с ветвей «дерева свободы».

Та же участь, что и бостонский вяз, постигла южнокаролинское «дерево свободы». Его срубили в 1780 г., во время британской оккупации Чарльстона. Вообще бульшая часть подобных живых символов со временем оказалась утрачена, хотя некоторые дожили почти до наших дней. Так, аннаполиское «дерево свободы», великолепное тюльпанное дерево, уничтожил ураган «Флойд» относительно недавно. С ним прощались торжественно, точно с национальным героем, под 13 ударов колокола, символизировавших 13 первоначальных штатов. В продолжение традиции местные краеведы вырастили около 200 саженцев — прямых потомков мэрилендского «дерева свободы» и рассадил их по всему штату⁵². «Дерево свободы» в городке Рэндольф (Нью-Джерси), вероятно, является одним из последних живых символов Американской революции.

Бостонский вяз был в своем роде антитезой английским «королевским дубам». Вместо дуба, традиционно почитаемого у индоевропейских народов, символическим объектом стал вяз. Изменилась и смысловая нагрузка символа. Дерево означало уже не чудесное спасение монархии, а сопротивление угнетению. Ежегодное распускание листьев ассоциировалось с вечно обновляющимися правами человека. Само дерево было метафорой революции. Позднее оно превратилось в известный образ под пером Т. Джефферсона: «Дерево свободы необходимо поливать время от времени кровью тиранов и патриотов. Это его естественное удобрение»⁵³. Здесь, правда, «дерево доброе» получает амбивалентную характеристику, ассоциируясь не только со свободой, но и со смертью.

Этнографы давно заметили, что дерево в символике и обрядности может замещаться шестом, столбом или крестом. Ярким примером служит уже упоминавшееся «майское дерево». Иногда символы даже объединялись. Так сделали в Ньюпорте, где «столп свободы» водрузили на «дерево свободы»⁵⁴.

В американской революционной символике «деревья свободы» соседствовали со «столпами свободы» (Liberty Poles). Обычно это были высокие сооружения (иногда выше самых высоких зданий в колониальных городах), сделанные из ствола дерева

⁵⁰ Letter from Abigail Adams to John Adams, 27 May 1776. Adams Family Papers: An Electronic Archive. Massachusetts Historical Society. — URL: <http://www.masshist.org/digitaladams/> (дата обращения 16.10.2018).

⁵¹ Adams N. Op. cit., p. 14.

⁵² Morley J. Liberty Tree Is Felled // The Washington Post, 25.X.1999; Revolutionary War Symbol, The Liberty Tree, Is Cut Down // The New York Times, 26.X.1999; Liberty Tree Project Grows. — URL: <https://www.sjc.edu/news/liberty-tree-project-grows> (дата обращения 18.10.2018).

⁵³ Томас Джефферсон о демократии. Собр. С. К. Падовер. СПб., 1992, с. 40.

⁵⁴ Fischer D. H. Liberty and Freedom: A Visual History of America's Founding Ideas. New York — Oxford, 2005, p. 48.

или из корабельной мачты. Как и «древо свободы», такой «столп» становился центром различных политических ритуалов, местом встреч, символическим объектом, за сохранение которого следовало бороться с английскими властями. На нем клеили политические листовки, возле него устраивали митинги. После провозглашения независимости «столпы свободы» превратились в характерную деталь американского пейзажа. В романе Х. Г. Бреккенриджа «Современное рыцарство» (впервые издан в 1792 г., впоследствии дорабатывался автором) сельские жители воздвигают такой столп, украшенный к тому же флагом, чтобы танцевать вокруг него. У этого сооружения могла быть и более мрачная функция: героя романа Тига О'Ригана принимают за ненавистного акцизного чиновника и угрожают повесить на «столпе свободы»⁵⁵. Сходную конструкцию, но увенчанную фригийским колпаком, видит проснувшийся Рип ван Винкль в сказке Вашингтона Ирвинга; «столп свободы» упоминает и Марк Твен в XVIII главе «Приключений Гекльберри Финна».

По подсчетам А. Янга, «столпы свободы» были наиболее распространены в колонии Нью-Йорк, а также на западе и на севере Новой Англии. По одному «столпу» зарегистрировано в Пенсильвании и Мэриленде, два — в Виргинии⁵⁶. Интересно, что деревья и столпы свободы распространились больше всего в Новой Англии, т.е. именно там, где сильнее всего оказывалась пуританская традиция. Между тем в XVII в. именно английские пуритане были главными гонителями «майских деревьев», которые именовали не более и не менее как «вонючими идолами»⁵⁷. Возможно, этот парадокс связан, с одной стороны, с угасанием пуританских традиций в просвещенческом обществе, а с другой — с радикальным переосмыслением всего обычая, уже не ассоциировавшимся с идолопоклонством.

Наиболее известный «столп свободы», вернее, ряд таких «столпов», сменявших друг друга, находился в Нью-Йорке. Первый из них был воздвигнут на Чемберс-стрит в честь отмены гербового сбора и украшен надписью «Король, Питт и свобода»⁵⁸. В отличие от большинства своих аналогов, данный столп был коммеморацией. Лидеры «Сынов Свободы» впоследствии поясняли: «Как известно, в обычае всех наций воздвигать монументы, чтобы увековечить память о великом событии. Опыт показывает, что они оказывают хорошее воздействие на потомков тех, кто их воздвиг... Под влиянием таких соображений группа друзей свободы в нашем городе воздвигла столп в Полях... как временный мемориал единоклассной оппозиции проклятому гербовому сбору»⁵⁹.

Верноподданническая эмблема не защитила «столп» — через несколько месяцев его срубили солдаты английского гарнизона. Та же участь постигла второй и третий «столпы», воздвигнутые ньюйоркцами. В 1767 г. «сыны свободы» соорудили на редкость прочную конструкцию, усиленную железными обручами. Англичане попытались срубить, а затем и взорвать «столп», но конструкция выдержала. Американцы выставили вокруг «столпа» стражу, несколько ночей отбивавшую нападения солдат. Затем губернатор постарался успокоить страсти, приказав гарнизону оставить «столп» в покое. Три года прошло вполне мирно, но 19 января 1770 г. развернулись события, известные как «битва на Голден-хилл». За несколько дней до

⁵⁵ Brackenridge H. G. *Modern Chivalry*, vol. 1. Philadelphia, 1851, p. 114–121. В данном эпизоде описаны события «мятежа из-за виски», свидетелем и участником которого был Бреккенридж.

⁵⁶ Young A. F. *Op. cit.*, p. 347.

⁵⁷ Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы, с. 104–105.

⁵⁸ Уильям Питт-старший выступал в защиту прав колонистов.

⁵⁹ *Public Papers of George Clinton, First Governor of New York, 1777–1804*, vol. 1. New York, 1900, p. 52.

этого солдаты вновь несколько раз пытались уничтожить «столп свободы». На третью ночь им это удалось: «столп» был спилен у основания и распилен на части. Обломки разбросали перед таверной Монтаньи на Бродвее, где любили собираться «сыны свободы». В ответ на оскорбление 3 тысячи ньюйоркцев собрались на общинном лугу и приняли резкие резолюции против гарнизона. Наконец, 19 января нью-йоркский радикал Айзек Сиэрс и «сыны свободы» попытались помешать солдатам расклеивать лоялистские листовки. Они взяли в плен нескольких солдат; остальные англичане пытались укрыться в казармах. По пути их окружила толпа; это было на Голден-хилл. Офицер приказал солдатам прикнуть штыки и прорубиться сквозь толпу. В последующей потасовке несколько человек было ранено, один из них смертельно⁶⁰. 6 февраля на старом месте был торжественно водружен новый «столп свободы». Он представлял собой корабельную мачту в 12 футов высоты, был на две трети усилен железными обручами. Позолоченная табличка на верхушке гласила: «Свобода и собственность»⁶¹.

В Бостоне «столп свободы» был торжественно водружен 1 августа 1775 г., после его освобождения от английской оккупации, причем сделан он был из мачты захваченного английского корабля⁶². В январе 1776 г. Дж. Вашингтон приказал украсить «столп» американским флагом, чтобы отметить создание Континентальной армии. К несчастью для патриотов, в этот же день в Массачусетс прибыл текст речи Георга III, призывающей американцев забыть свои «заблуждения». В результате церемония Вашингтона была воспринята лоялистами как символ готовности сдаться, чего главнокомандующий Континентальной армии вовсе не планировал⁶³.

«Столпы свободы», таким образом, сыграли важную роль в символическом освоении пространства в Американской революции. Не случайно топонимы Liberty Pole и сейчас можно найти на карте США.

Как и у традиционного «майского дерева», у «дерева свободы» была и темная ипостась, связанная с утрачением, бедствиями, смертью. «Злое дерево» могло быть всего лишь литературным приемом, антитезой «древа доброго», как в письме род-айлендских делегатов Конгресса. Для них «злым деревом» была обсуждавшаяся в 1783 г. перспектива введения континентальных налогов. Плодов ждали горьких: федеральные суды и федеральных чиновников в штате Род-Айленд⁶⁴.

Еще со времен классических исследований Дж. Дж. Фрэзера известно, что у «древа жизни» в фольклоре есть темный двойник — мрачное «дерево смерти»⁶⁵. Во время Американской революции дерево, будь то вызывавшее возвышенные чувства патриотов «дерево свободы» или самое обычное растение, могло превращаться в «дерево смерти» в самом что ни на есть буквальном смысле. Таковым оно предстает на гравюре Пола Ривира «A View of the Year 1765» («Картина 1765 года»), где с ветвей «древа свободы» свисает мертвое тело (или, возможно, чучело). Это соответствовало распространенной практике использования горизонтальных ветвей в качестве импровизированной виселицы. Возможно, сказывались

⁶⁰ The New-York Gazette and Weekly Postboy, 5.II.1770.

⁶¹ Leake I. Q. Memoir of the Life and Times of General John Lamb. Bedford (Mass.), 1857, p. 59.

⁶² Paul Lunt's Diary. May — December, 1775. Boston, 1872, p. 9.

⁶³ G. Washington to J. Reed. 4.I.1776 // *Washington G. The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745–1799*, in 39 vol. Ed. by J. C. Fitzpatrick, vol. 4. Washington (DC), 1931, p. 210–211.

⁶⁴ Letters of Delegates to Congress, vol. 20, p. 638.

⁶⁵ Например: Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1989, с. 30–33. См. также: Топоров В. Н. Мифология: статьи для мифологических энциклопедий, т. 1. М., 2011, с. 127 («Дерево жизни»).

также отголоски упомянутой выше традиции вершить суд под деревом. Именно так поступили восставшие фермеры—«регуляторы» в Северной Каролине. По данным британской прессы, они привязали шерифа графства Ориндж к дереву, нанесли ему 500 ударов плетью, заставили съесть официальные предписания и пригрозили подобной же карой любому чиновнику, рискнувшему явиться к ним⁶⁶.

До Войны за независимость под «деревом свободы» устраивались импровизированные суды над лоялистами. Виновных обваливали в смоле и перьях и заставляли пить чай за здоровье королевской семьи под сенью «древа свободы». У лоялистов это получило название «древесных судов»⁶⁷. «Сыны свободы не обходятся без собственных магистратов. Мы видели заседание суда под деревом свободы»⁶⁸, — писал губернатор Массачусетса Ф. Бернард. 14 августа 1765 г., как уже упоминалось выше, на бостонском «древе свободы» было повешено чучело Э. Оливера, сборщика гербового налога. Через несколько дней под дерево приволокли самого Оливера. Его провели по улицам города и перед судьей, в присутствии двухтысячной толпы, заставили клятвенно отречься от своей должности. «Обстоятельства [клятвы] были исключительно унижительны и позорны», — комментировал Дж. Адамс⁶⁹. В феврале 1768 г. под тем же деревом судили гербовый сбор. «Обвиняемого» в цепях поставили на специально сооруженную сцену, обвинили в нарушении Великой хартии вольностей и намерении ниспровергнуть британскую конституцию — и, конечно же, признали виновным. В 1768 г., после конфискации корабля, принадлежавшего лидеру патриотов Дж. Хэнкоку, бостонцы захватили у таможенников лодку, притащили ее под знаменитый вяз и после пародийного процесса приговорили к сожжению. О наказании лоялиста, но более жестоком, рассказывала «*Pennsylvania Gazette*». В феврале 1774 г. в Бостоне таможенный чиновник Дж. Малькольм был обвинен в различных преступлениях, в том числе и в «самой закоренелой враждебности к этой стране и защитникам ее прав». Патриоты вывалили его в смолу и перьях и погнали в таком виде к «дереву свободы». Там от Малькольма потребовали поклясться в том, что он больше не сделает ничего против свободы своей страны. Поскольку тот отказался, ему на шею накинули веревку и несколько раз затягивали узел, угрожая повесить. В итоге измученный лоялист сдался и был отпущен с миром⁷⁰. Подобную же сцену изобразил на своей гравюре английский карикатурист Ф. Доу. На этом известном изображении присутствует лоялист, обваленный в смоле и перьях. Толпа вигов пытается насильно напоить его чаем. «Древо свободы» видно на заднем плане гравюры. На нем перевернутая надпись «Гербовый сбор»; с ветки недвусмысленно свисает пеньковая петля. Но все же экстралегальная казнь воспринималась в колониях как чрезмерная жестокость. Чаще всего, как и в описанных случаях, дело ограничивалось угрозами либо повешением чучела.

Символика «деревьев свободы» вскоре распространилась за пределами Америки. Возможно, что здесь имело место параллельное развитие все той же распространенной традиции «майских деревьев». Нельзя исключать и прямое заимствование: европейские революционеры XVIII в. охотно подражали американским современникам.

В 1790-х годах «деревья свободы» использовались для символического освоения пространства уже в Старом свете. Интересно, что изначально, как и в США,

⁶⁶ *Edinburgh Evening Courant*, 7.VI.1769.

⁶⁷ *Oliver P. Op. cit.*, p. 54.

⁶⁸ Governor Bernard to the Earl of Hillsborough, 14.XI.1768 // *Bernard F. Letters to the Right Honourable the Earl of Hillsborough*. Boston — London, 1769, p. 23.

⁶⁹ *Adams J. Op. cit.*, vol. 2, p. 156.

⁷⁰ *Pennsylvania Gazette*, 9.II.1774.

это были не деревья, а шесты, похожие на американские «столпы свободы». В 1790 г. бунтующие крестьяне в Перигоре устанавливали их перед домами богатей и церквями⁷¹. Но «дерево свободы» прижилось на французской почве гораздо лучше. Первое из них было посажено в том же 1790 г. в Сен-Годане местным кюре. Обычно это были дубы, позже — тополя. Оба дерева несли определенную символическую нагрузку. О традиционном почитании дуба у индоевропейских народов уже говорилось выше; тополь же полюбился французским революционерам, поскольку его название (*peuplier*) было созвучно со словом «народ» (*peuple*). Г. Бабёф в 1792 г. отмечал, что такие деревья распространяются по Франции «с удивительной быстротой»⁷². В период якобинской диктатуры они приобрели официальный статус. 22 января 1794 г. Конвент предписал всем коммунам, где «деревья свободы» погибли, посадить их заново, «дабы они цвели под эгидой французской конституции»⁷³. Вначале французские революционеры сажали их в своей стране, а затем и на территориях, занятых революционными армиями. Так, взяв Антверпен в ноябре 1792 г., Франсиско де Миранда приказал посадить «дерево свободы» на месте памятника испанскому наместнику герцогу Альбе. В январе 1795 г. такое же дерево было посажено в Лейдене⁷⁴. Как и в США, некоторые из них дожили до наших дней. Одно из последних можно видеть в городке Фейсель на юго-западе Франции.

Символика «деревьев свободы» во Франции более или менее совпадала с соответствующей традицией по другую сторону Атлантики. Французская песня содержала те же ассоциации, что и ее американские аналоги. «Дерево свободы» оказывалось здесь неосознанной реинкарнацией древних мифических деревьев, содержащих в себе изобилие:

Все лучшие дары природы:
Любовь, довольство, братский труд —
Друзья! — под деревом Свободы
Свободно дышат и живут!⁷⁵

Стоит отметить, что «дерево свободы» у Бёрнса также связано с утопическими ожиданиями автора («Забудут рабство и нужду народы и края...»)⁷⁶.

Обычай не вполне угас и в следующем столетии. Так, во время революции 1848 г. во Франции «деревья свободы» появились вновь⁷⁷.

Можно заметить некоторые различия в двух сходных традициях. В Америке «дерево свободы» чаще просто назначалось какое-нибудь особенно красивое или старое дерево; во Франции это были специально посаженные для соответствующей цели деревца. В Америке видовой принадлежности растения не придавали значения. «Древом свободы» могли становиться вязы, платаны, тюльпанные деревья

⁷¹ Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана. М., 2004, с. 407.

⁷² Бабёф Г. Сочинения, т. 2. М., 1976, с. 316.

⁷³ Collection complete des décrets de la convention nationale, vol. 7. Douai, 1794, p. 315.

⁷⁴ Григулевич И. Р. Франсиско де Миранда и борьба за независимость испанской Америки. М., 1976, с. 109; Шатохина-Мордвинцева Г. А. Северные Нидерланды в эпоху наполеоновских войн: от Батавской республики к королевству Нидерландов // Новая и новейшая история, 2013, № 5, с. 148. В это же время в России преследовались любые конструкции, хотя бы отдаленно напоминавшие пресловутое дерево: Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь тайной канцелярии. М., 2008, с. 416.

⁷⁵ Песни Первой французской революции. М.—Л., 1934, с. 303 (перевод А. Кочеткова).

⁷⁶ Бёрнс Р. Указ. соч., с. 327.

⁷⁷ Революции 1848—1849 гг., т. I. М., 1952, с. 204.

и т.д. Во Франции в той же роли преобладали дубы и тополя. В отличие от Америки, во Франции «дерево свободы» не использовалось для парасудебных процедур.

Традиция «деревьев свободы» и «столпов свободы» в Американской революции не получила однозначной оценки у исследователей. «Столпы свободы» нередко сравнивают с «майскими шестами», распространенными по всей Европе, а «деревья свободы» соответственно с «майскими деревьями». Однако А. Янг обращает внимание и на различие. «Столпы свободы» не носили сезонного характера; их не украшали цветами; вокруг них не устраивали танцев⁷⁸. Однако Янг не прав в двух отношениях. «Майские деревья» к XVIII в. уже превратились в постоянные конструкции. Об этом образно написал Н. Готорн: «Весною майское дерево убиралось первыми цветами и молодыми побегами; летом его наряд составляли пышные розы и густая лесная листва; осень приносила великолепие золота и пурпура, превращавшее любой древесный лист в произведение искусства; зима развешивала на ветвях ледяные сосульки и серебрила инеем ствол майского дерева, так что все оно сияло и сверкало, как застывший солнечный луч. Всякое время года воздавало на свой лад почести майскому дереву»⁷⁹. Кроме того, приведенный выше эпизод из романа Х. Г. Брекенриджа, явно основанный из личных впечатлений автора, как раз описываются танцы вокруг «столпа свободы»; видимо, исследователь слишком категоричен в своем выводе.

Янг также настаивает на чисто американском происхождении традиции «деревьев свободы»⁸⁰, с чем согласиться сложно. Связь «столпов» и «деревьев свободы» с аграрной символикой очевидна. Столб — один из древнейших символов плодородия, известный со времен первобытности. Такие столбы известны по всему миру, в том числе в столь далеких друг от друга культурах, как культура американских индейцев и Древнего Египта⁸¹. Дерево у большинства народов мира ассоциируется с жизненной силой и изобилием⁸². Сходные представления были распространены и в Европе и не могли не отразиться также в культуре американских колоний. В то же время происходит любопытная трансформация: древняя символика включается в современный политический миф и призвана обозначать идею не плодородия, а свободы и прав человека.

Култ «деревьев свободы» не рационалистичен, как некоторые другие культы эпохи Просвещения (например, культ Разума во время Великой французской революции). Он несет на себе отчетливый отпечаток мифологического мышления. Он уходит корнями глубоко в архаические пласты ментальности. Видимо, именно поэтому образ «древа свободы» амбивалентен, оно несет в себе одновременно и жизнь, и смерть. Для мифологического мышления именно такая слитность добра и вреда весьма характерна.

Библиография

Агапкина Т. А. Дерево // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2011, с. 133–136.

Американская революция в женских дневниках, сост. С. А. Короткова. М., 2014.

Бабёф Г. Сочинения, т. 2. М., 1976.

Бадж У. Египетская религия. Египетская магия. М., 1996.

⁷⁸ Young A. F. Op. cit., p. 365.

⁷⁹ Готорн Н. Указ. соч., с. 113.

⁸⁰ Young A. F. Op. cit., p. 365.

⁸¹ Тишков В. А. Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988, с. 330; Бадж У. Египетская религия. Египетская магия. М., 1996, с. 205–207.

⁸² Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 1. М., 1987, с. 396–397.

- Бёрк Э. Правление, политика и общество. М., 2001.
- Бёрнс Р. Стихотворения. 1982.
- Брэдфорд У. История поселения в Плимуте // Брэдфорд У. История поселения в Плимуте; Франклин Б. Автобиография; Кревекер С.-Дж. де. Письма американского фермера. М., 1987.
- Готорн Н. Майское дерево Мерри-Маунта // Готорн Н. Избранные произведения, т. 2. Л., 1982, с. 107–119.
- Григулевич И. Р. Франсиско де Миранда и борьба за независимость испанской Америки. М., 1976.
- Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2012.
- Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.–Л., 1937.
- Ивоинина Л. И. Драма династии Стюартов. М., 2016.
- Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. XIX – начало XX в. М., 1977.
- Коути Е., Харса Н. Суеверия викторианской Англии. М., 2011.
- Купер Дж. Ф. Избранные сочинения в шести томах, т. 4. М., 1963.
- Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь тайной канцелярии. М., 2008.
- Миддлауф Р. Славное дело: американская революция, 1763–1789. Екатеринбург, 2015.
- Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 1. М., 1987–1988.
- Песни Первой французской революции. М.–Л., 1934.
- Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995.
- Революции 1848–1849 гг., т. I. М., 1952.
- Тишков В. А. Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988.
- Томас Джефферсон о демократии. Собр. С. К. Падовер. СПб., 1992.
- Топоров В. Н. Мифология: статьи для мифологических энциклопедий, т. 1. М., 2011.
- Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1989.
- Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 2012.
- Шатохина-Мордвинцева Г.А. Северные Нидерланды в эпоху наполеоновских войн: от Батавской республики к королевству Нидерландов // Новая и новейшая история, 2013, № 5, с. 146–164.
- Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана. М., 2004.
- Acts and Ordinances of the Interregnum, 1642–1660. London, 1911.
- Adams J. The Works. Ed. by Ch. F. Adams, vol. 2. Boston, 1850.
- Adams N. Boston Common. Boston, 1842.
- Adams S. Writings. Ed. by H. A. Cushing, vol. 2, 3. New York, 1968.
- American History Told by Contemporaries: Era of Colonization 1492–1689. Ed. by A. B. Hart. Honolulu (HI), 2002.
- Archer R. As If an Enemy's Country: The British Occupation of Boston and the Origins of Revolution. Oxford – New York, 2010.
- Bernard F. Letters to the Right Honourable the Earl of Hillsborough. Boston – London, 1769.
- Brackenridge H.G. Modern Chivalry. Philadelphia, 1851.
- Cohen M. The Networked Wilderness: Communicating in Early New England. Minneapolis – London, 2010.
- Collection complete des décrets de la convention nationale. Douai, 1794.
- Diary of Justus Forward. 1786–1787. – URL: http://www.shaysrebellion.stcc.edu/shaysapp/artifact.do?shortName-diary_jforward (дата обращения 19.12.2017).
- Downer S. Discourse, delivered in Providence, in the colony of Rhode Island, on the 25th day of July, 1768. At the dedication of the tree of liberty, from the summer house in the tree. Tarrytown – New York, 1918.
- Dudley E. The tree of common wealth. Manchester, 1859.
- Fischer D. H. Liberty and Freedom: A Visual History of America's Founding Ideas. New York – Oxford, 2005.
- Hilliard d'Auberteuil M.R. Essais historiques et politiques sur les Anglo-Américains, vol. 2. Bruxelles, 1781.
- Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape. Woodbridge, 2010.
- Hutton R. Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain. Oxford, 1996.

Journals of the Continental Congress. 1774–1789. Ed. by W. Ch. Ford, vol. 8, 9. Washington (DC), 1907.

Leake I. Q. Memoir of the Life and Times of General John Lamb. Bedford (Mass.), 1857.

Letter from Abigail Adams to John Adams, 27 May 1776. Adams Family Papers: An Electronic Archive. Massachusetts Historical Society. — <http://www.masshist.org/digitaladams/> (дата обращения 16.10.2018).

Letters of Delegates to Congress, 1774–1789. Ed. by P. H. Smith, vol. 7, 20. Washington (DC), 1981, 1993.

Liberty Tree Project Grows. — URL: <https://www.sjc.edu/news/liberty-tree-project-grows> (дата обращения 18.10.2018).

Mulcahy L. Legal Architecture: Justice, Due Process and the Place of Law. New Haven — London, 2010.

Oliver P. Peter Oliver's Origin & Progress of the American Rebellion: A Tory View. Stanford, 1967.

Paul Lunt's Diary. May — December, 1775. Boston, 1872.

Public Papers of George Clinton, First Governor of New York, 1777–1804, vol. 1. New York, 1900.

Thacher J. A. Military Journal During the American Revolutionary War: From 1775 to 1783. Boston, 1827.

The Debates in the Several State Conventions on the Adoption of the Federal Constitution. Ed. by J. Elliot, vol. 3. Washington (DC), 1836.

Washington G. The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745–1799, in 39 vol. Ed. by J. C. Fitzpatrick. Washington (DC), 1931–1944.

Wright J. The English Dialect Dictionary, vol. 3. Oxford, 1905.

Young A. F. Liberty Tree: Ordinary People and the American Revolution. New York, 2006.

References

Agapkina T. A. Derevo [Tree] // Slavianskaia mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar' [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Moskva, 2011, p. 133–136. (In Russ.)

Amerikanskaia revoliutsiia v zhenskikh dnevnikhakh, sost. S. A. Korotkova [The American Revolution in Women's Diaries, comp. S. A. Korotkova]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Babeuf G. Sochineniia [Works], vol. 2. Moskva, 1976. (In Russ.)

Bradford W. Istoriia poseleniia v Plimute [History of the Settlement in Plymouth] // *Bredford U.* Istoriia poseleniia v Plimute; *Franklin B.* Avtobiografiia; *Crevequer S.-J. de.* Pis'ma amerikanskogo fermera [Bradford W. History of the settlement at Plymouth; Franklin B. Autobiography; Crevequer S.-J. de. Letters of an American farmer]. Moskva, 1987. (In Russ.)

Budge W. Egipetskaia religiia [Egyptian Religion. Egyptian Magic]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Burke E. Pravenie, politika i obshchestvo [Governance, Politics and Society]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Burns R. Stikhotvoreniia [Poems]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Chaucer G. Kenterberiskie rasskazy [The Canterbury Tales]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Coaty E., Harsa N. Sueverii viktorianskoi Anglii [Superstitions of Victorian England]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Cooper G. F. Izbrannye sochineniia v shesti tomakh [Selected Works in six volumes]. Moskva, 1963. (In Russ.)

Fraser J. J. Fol'klor v Vetkhom Zavete [Folklore in the Old Testament]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Grigulevich I. R. Fransisko de Miranda i bor'ba za nezavisimost' ispanskoi Ameriki [Francisco de Miranda and the struggle for the independence of Spanish America]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Hawthorne N. Maiskoe derevo [Maypole of Merry Mount] // *Hawthorne N.* Izbrannye sochineniia [Selected Works], vol. 2. Leningrad, 1982, p. 107–119. (In Russ.)

Ivonina L. I. Drama dinastii Styuartov [House of Stuart's Drama]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Joinville J. de. Kniga blagochestivkh rechenii i dobrykh deianii nashego sviatogo korolia Liudovika [The Book of Pious Sayings and Good Deeds of Our Holy king Louis]. Sankt-Peterburg, 2012. (In Russ.)

Kalendarnye obriady i obychai v stranakh zarubezhnoi Evropy. Vesennie prazdniki. XIX — nachalo XX v. [Calendar Rituals and Customs in the Countries of Foreign Europe. Spring Holidays. XIX — early XX century]. Moskva, 1977. (In Russ.)

Kurukin I. V., Nikulina E. A. Povsednevnaia zhizn' tainoi kantseliarii [Daily life of the Secret Chancellery]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Middlekauf R. Slavnoe delo: Amerikanskaia revoliutsiia, 1763–1789 [The Glorious Cause: the American Revolution, 1763–1789]. Ekaterinburg, 2015. (In Russ.)

Mify narodov mira. Entsiklopediia [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia], vol. 1. Moskva, 1987. (In Russ.)

Pesni velikoi frantsuzskoi revoliutsii [Songs of the First French Revolution]. Moskva – Leningrad, 1934. (In Russ.)

Propp V. Ya. Russkie agrarnye prazdniki [Russian Agrarian Holidays]. Sankt-Peterburg, 1995. (In Russ.)

Revoliutsii 1848–1849 gg. [Revolutions of 1848–1849], vol. I. Moskva, 1952. (In Russ.)

Shatokhina-Mordvintseva G. A. Severnye Niderlandy v epokhu napoleonovskikh voyn: ot Batavskoi respubliki k korolevstvu Niderlandov [Northern Netherlands in the era of the Napoleonic wars: from the Batavian Republic to the Kingdom of the Netherlands] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History], 2013, № 5, p. 146–164. (In Russ.)

Thomas Jefferson o demokratii. Sobr. S. K. Padover [Thomas Jefferson on Democracy. Comp. S. K. Padover]. Sankt-Peterburg, 1992. (In Russ.)

Tishkov V. A. Ekologiia amerikanskikh indeitsev i eskimosov [Ecology of American Indians and Eskimos]. Moskva, 1988. (In Russ.)

Toporov V. N. Mifologiya: Stat'i dlia mifologicheskikh entsiklopedii [Mythology: Articles for mythological encyclopedias], vol. 1. Moskva, 2011. (In Russ.)

Yampolskii M. Fiziologiia simvolicheskogo. Kn. 1. Vozvrashchenie Levafana [Physiology of the Symbolic. Vol. 1. Return of Leviathan]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Zelenin D. K. Totemy-derev'ia v skazaniakh i obriadakh evropeiskikh narodov [Totems-trees in legends and rites of European peoples]. Moskva – Leningrad, 1937. (In Russ.)

Acts and Ordinances of the Interregnum, 1642–1660. London, 1911.

Adams J. The Works. Ed. by Ch. F. Adams, vol. 2. Boston, 1850.

Adams N. Boston Common. Boston, 1842.

Adams S. Writings. Ed. by H. A. Cushing, vol. 2, 3. New York, 1968.

American History Told by Contemporaries: Era of Colonization 1492–1689. Ed. by A. B. Hart. Honolulu (HI), 2002.

Archer R. As If an Enemy's Country: The British Occupation of Boston and the Origins of Revolution. Oxford – New York, 2010.

Bernard F. Letters to the Right Honourable the Earl of Hillsborough. Boston – London, 1769.

Brackenridge H. G. Modern Chivalry. Philadelphia, 1851.

Cohen M. The Networked Wilderness: Communicating in Early New England. Minneapolis – London, 2010.

Collection complete des décrets de la convention nationale. Douai, 1794.

Diary of Justus Forward. 1786–1787. – URL: http://www.shaysrebellion.stcc.edu/shaysapp/artifact.do?shortName-diary_jforward (access date 19.12.2017).

Downer S. Discourse, delivered in Providence, in the colony of Rhode Island, on the 25th day of July, 1768. At the dedication of the tree of liberty, from the summer house in the tree. Tarrytown – New York, 1918.

Dudley E. The Tree of Common Wealth. Manchester, 1859.

Fischer D.H. Liberty and Freedom: A Visual History of America's Founding Ideas. New York – Oxford, 2005.

Hilliard d'Auberteuil M. R. Essais historiques et politiques sur les Anglo-Américains, vol. 2. Bruxelles, 1781.

Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape. Woodbridge, 2010.

Hutton R. Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain. Oxford, 1996.

Journals of the Continental Congress. 1774–1789. Ed. by W. Ch. Ford, vol. 8, 9. Washington (DC), 1907.

Leake I. Q. Memoir of the Life and Times of General John Lamb. Bedford (Mass.), 1857.

Letter from Abigail Adams to John Adams, 27 May 1776 [electronic edition]. Adams Family Papers: An Electronic Archive. Massachusetts Historical Society. – URL: <http://www.masshist.org/digitaladams/> (access date 16.10.2018).

Letters of Delegates to Congress, 1774–1789. Ed. by P. H. Smith, vol. 7, 20. Washington (DC), 1981, 1993.

Liberty Tree Project Grows. — URL: <https://www.sjc.edu/news/liberty-tree-project-grows> (access date 18.10.2018).

Mulcahy L. Legal Architecture: Justice, Due Process and the Place of Law. New Haven — London, 2010.

Oliver P. Peter Oliver's Origin & Progress of the American Rebellion: A Tory View. Stanford, 1967.

Paul Lunt's Diary. May — December, 1775. Boston, 1872.

Public Papers of George Clinton, First Governor of New York, 1777—1804, vol. 1. New York, 1900.

Thacher J. A Military Journal During the American Revolutionary War: From 1775 to 1783. Boston, 1827.

The Debates in the Several State Conventions on the Adoption of the Federal Constitution. Ed. by J. Elliot, vol. 3. Washington (DC), 1836.

Washington G. The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745—1799, in 39 vol. Ed. by J. C. Fitzpatrick. Washington (DC), 1931—1944.

Wright J. The English Dialect Dictionary, vol. 3. Oxford, 1905.

Young A. F. Liberty Tree: Ordinary People and the American Revolution. New York, 2006.